

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**Инженерный факультет
Факультет славянских и германских языков
Факультет экономики и права**

СПЕЦИАЛИСТ XXI ВЕКА

**Материалы III Международной
научно-практической конференции,
посвящённой 10-летию
со дня образования университета**

**4—5 июня 2014 г.
г. Барановичи
Республика Беларусь**

**В 2 книгах
Книга 2**

**Барановичи
РИО БарГУ
2014**

УДК 001(063)
ББК 72я73
С71

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом учреждения образования
«Барановичский государственный университет»

Рецензенты:

- Д. М. Иваницкий*, кандидат технических наук, доцент кафедры «Машины и технология обработки металлов давлением» Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь);
Л. Г. Крот, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английской речи учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» (Минск, Республика Беларусь);
А. А. Пилюттик, кандидат экономических наук, заместитель директора по информационно-коммуникационным технологиям и административно-хозяйственной работе Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь);

Редакционная коллегия:

- А. В. Никишова* (гл. ред.), *А. К. Гавриленя*, *Е. В. Панчук*, *А. В. Прадун* (отв. ред.), *Е. И. Белая*, *Е. В. Бертош*, *Н. А. Егорова*, *З. И. Корзун*, *О. Н. Людвигевич*, *О. И. Наранович*, *М. В. Нерода*,
А. А. Савко, *О. Н. Фенчук*

С71 **Специалист XXI века [Текст]** : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 10-летию со дня образования ун-та, 4—5 июня 2014 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.), А. К. Гавриленя, Е. В. Панчук, А. В. Прадун (отв. ред.) [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2014. — 209, [3] с. — 155 экз.

ISBN 978-985-498-580-0
ISBN 978-985-498-582-4 (Книга 2)

Освещаются актуальные проблемы влияния мировой экономики на развитие инновационных тенденций, состояние и перспектива развития законодательства, филологические и лингвистические аспекты образования, современные производственные и информационные технологии.

Издание представляет интерес для широкого круга специалистов сферы образования, аспирантов, студентов.

УДК 001(063)
ББК 72я73

ISBN 978-985-498-580-0
ISBN 978-985-498-582-4 (Книга 2)

© Коллектив авторов, 2014
© БарГУ, 2014

© Сидоренко А. Ю., художественное оформление обложки, 2014

УДК 882. 6. 09 (091)(075.8)

Е. И. Беляя, кандидат педагогических наук
Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СОЦИАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В «ЗАПИСКАХ КАВАЛЕРИСТА» НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Введение. Пространство и время образуют основной контекст течения человеческой деятельности, смысл которой опредмечивается в результатах, означивается в системе языка и становится элементом культуры. Социальное время и пространство характеризуют социальное бытие именно как процесс сочетания и смены деятельностей людей. Творчество писателя во время социальной катастрофы зависит от того, как он воспринимает её и в какой мере она затронула его личную, классовую и национальную жизнь.

Основная часть. В первые же дни войны Н. Гумилёв пошел в армию добровольно и был зачислен в лейб-гвардии Уланский полк. Считается, что именно военный опыт (как и у Лермонтова на Кавказе) был решающим в его личностном и творческом становлении, о чём свидетельствуют и «Записки кавалериста», которые оперативно печатались в газете «Биржевые ведомости» (с 3 февраля 1915 года до 11 января 1916 года прошло 17 публикаций). Их считали отдельными корреспонденциями, где описаны разрозненные боевые эпизоды с участием писателя. К этому склонял и подзаголовок: «От нашего специального военного корреспондента». Позднее архивные материалы позволили сделать вывод, что «Записки...» первоначально были задуманы автором как документальная повесть обо всех важнейших событиях первого года его участия в войне. Исследователи отмечают точность и ответственность Гумилёва и считают, что в «Записках» нет ни одного выдуманного или приукрашенного в пользу автора эпизода [1]. Некоторые характеристики текста допускают мнение, что с начала службы в Уланском полку Гумилёв вел подробный дневник, судьба которого неизвестна. Во времени и пространстве «Записок кавалериста» Н. Гумилёв предстаёт не только как гражданин, исполняющий патриотический долг, но и как яркая человеческая и творческая индивидуальность.

Долгие месяцы поэту пришлось воевать на белорусской земле, в том числе на территории современного Ивацевичского района. Это придаёт нашему исследованию, кроме когнитивного, и ценностный, личностный смысл. Что касается «социального» времени и пространства, то нас интересуют прежде всего события августа — начала сентября 1915 года. 11 августа начался отход войск от Буга на Кобрин и далее на Слуцк. В это время (видимо, с 6-го по 10-е августа) Гумилёв на несколько дней выезжал в Петроград. Они с Ахматовой оспрашивались в Царском Селе, посетили благотворительный вечер, устроенный Ф. Сологубом в пользу сыльных революционеров. Ахматова читала стихи, Гумилёв не читал, так как счёл неудобным выступать в военной форме. Спустя несколько дней он вернулся в полк, продолжавший отход вдоль Буга. 1 сентября эскадрон, в котором служил Гумилёв, был оставлен у д. Козики прикрывать единственную дорогу. Затем уланы отошли за Огинский канал. Во время отхода армии Козики и другие деревни были подожжены. Со 2-го по 4-е сентября Уланский полк стоял в Логишине, ведя наблюдение за каналом, и до конца года оставался на этих позициях. Гумилёв же 22-го сентября был откомандирован в школу прапорщиков и уехал в Петроград.

Художественное время — способ организации эстетической действительности, внутреннего мира произведения и одновременно образное воплощение авторской концепции, отражение именно его картины мира. Н. Гумилёв пишет: «Мы... поехали на бивак и по дороге поджигали скирды хлеба, чтобы не оставался врагу. Жалко было подносить огонь к этим золотым грудам... топтать конями хлеб на корню, он никак не хотел загораться, но так весело было скакать потом, когда по всему полю, докуда хватал взгляд, зашевелились, замахали красными рукавами высокие костры, словно ослепительные китайские драконы, и послышалось иератическое бормотанье раздуваемого ветром огня» [2, с. 340]. В данной картине отчётливо совмещаются два «полюса существования» [3, с. 215] во времени и пространстве: попытка внутренне сопротивляться влиянию «перевёрнутого» войной мира — и произвольный творческий подъём, что сменяет осознание греховности и не даёт человеку деградировать. «Весь конец этого лета для меня связан с воспоминаниями об освобождённом и торжествующем племени. Мы прикрывали общий отход и перед носом немцев поджигали всё, что могло гореть: хлеб, сараи, пустые деревни, помещичьи усадьбы и дворцы» [2, с. 340].

Художественное время создаётся всеми элементами текста, при этом средства, выражающие временные отношения, взаимодействуют со средствами, выражающими пространственные отношения, в том числе пространственными метафорами. «Сорок дней шли с боем по Германии» [2, с. 348]. «Был свежий солнечный день, когда мы подходили к границе Восточной Пруссии» [2, с. 287]. В день взятия города В., пишет Гумилёв, «огнезарная птица победы... слегка коснулась своим огромным крылом и меня» [2, с. 288]. Воссоздание реальных биографических фактов сочетается с передачей различных аспектов субъективного осознания и измерения времени автором. «Вечерело. Звёзды уже кое-где прокололи лёгкую мглу, и мы... отправились на ночлег» [2, с. 294]. Автор слышит, что «ветер в сучьях шумел совсем как человеческий разговор, и к тому же на немецком языке» [2, с. 313], замечает, что свет прожектора «опустился и медленно застыл, как взгляд высокомерного человека» [2, с. 304]. Каждое утро его поражает «одна и та же мудрая и яркая гибель утренней звезды на фоне акварельно-нежного рассвета» [2, с. 303]. Прочитанные нами и иные фрагменты текста «Записок кавалериста» вступают в противоречие с мнением о том, что художнику опасно находиться на баррикаде — с баррикады видна только мишень. Видимо, всё зависит от кредо художника. Гумилёв руководствовался убеждением, что поэт должен «настойчиво и старательно развивать зрение, слух, вкус, ощущения», иначе «три четверти красоты и богатства мира» пропадут зря [4, с. 112]. Он не изменял этому убеждению и «на баррикаде», тем более что обстоятельства его социального бытия были действенным стимулом. «Всё в эту минуту я запомнил только зрительной и слуховой памятью, осознал же много позже. <...> ... Вот и конец пахотному полю — и зачем только люди придумали земледелие?! — вот канава, которую я беру почти бессознательно, вот гладкая дорога, по которой я полным карьером догоняю свой разъезд» [2, с. 298].

Условное настоящее время повествователя соотносится с обращением к прошлому или будущему, характеристикой ситуаций в разных временных проекциях. Время частное, биографическое, субъективное включается в произведении в широкий поток времени социального, связанного с исторической эпохой. Пользуясь выражением А. И. Герцена, можно сказать, что имеет место отражение истории в человеке, не случайно попавшемся на её дороге. Авторское «я» последовательно чередуется с «мы», которое в разных контекстах указывает то на автора, то на его сослуживцев, то на всё поколение, национальный коллектив или даже шире — на человеческий род в целом, усиливая тем самым роль исторического времени. Гумилёв — представитель «державного народа», и его «Запискам...» свойствен исключительно патриотический пафос. Ему близки «мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей» [2, с. 288].

Время текста в целом обусловлено взаимодействием календарного, событийного и перцептивного времени. Календарное отображается в основном лексикой со значением «время» и датами, которых, однако, в «Записках...» немного. Часто используются конструкции типа «В те дни заканчивался наш летний отход» [2, с. 339]. Ряды точек в тексте обозначают выбеленные военной цензурой места. Это касается и указаний на пространственные перемещения: «местечко Р.», «город Ш.», «местечко К. на узле шоссе дорог». Поэтому реалии социального времени можно идентифицировать только при сопоставлении текста «Записок...» и документов. Конкретизирует Н. Гумилёв единственную дату боя, 6 июля 1915 года, — день, о котором он говорит как о «самом знаменательном» [2, с. 334] в своей жизни. В авторском повествовании преобладает событийное время, организованное связью прежде всего глагольных форм. Перцептивное время при помощи разных лексико-грамматических средств и временных смещений выражает позицию повествователя. Во время наступления пехоты, пишет Н. Гумилёв, «казалось, серое поле ожило, начало морщиться, выбрасывая из своих недр вооруженных людей на обречённую деревню. <...> Не верилось, что это были отдельные люди, скорее это был цельный организм, существо бесконечно сильнее и страшнее динотериумов и плезиозавров. <...> Мы оказались свидетелями сцены, больше всего напоминавшей третичный период земли» [2, с. 310].

Мемуарам и автобиографическим произведениям присуще обратимое художественное время. Один из принципов их организации — ретроспекция. Ситуации и факты прошлого описываются автором по-разному: некоторые — предельно кратко, другие же (наиболее важные в эмоциональном,

эстетическом или идеологическом отношении), выделяются «крупным планом». «Самые трогательные и счастливые часы, это — часы перед битвой», — пишет Н. Гумилёв. «Мы спали, спали слаще и крепче, чем на самых мягких постелях. И вещи вспоминались все такие милые — читанные в детстве книги, морские пляжи с гудящими раковинами, голубые гиацинты» [2, с. 342]. Соответственно эстетическим намерениям автор то расширяет, то «сгущает» время, то замедляет его, то ускоряет. Для «Записок кавалериста» органичны преобладание динамики и «сжатия» времени, особенно в эпизодах разведки. «Вот это была скачка. Деревья и кусты проносились перед нами, комья снега так и летели из-под копыт, баба с ведром... глядела на нас с разинутым от удивления ртом». Прошедшее несовершенное время выступает знаком авторского отношения к изображаемому и часто выполняет эмоционально-экспрессивную функцию. Переход от одной данной ситуации к другой маркируется прошедшим совершенным. «Когда мы вернулись к своим, оказалось, что мы были в отсутствии не более двух часов» [2, с. 346]; либо «Журица уже сварилась (это обыкновенно берёт часа два...) и была очень вкусна» [2, с. 331].

В «Записках кавалериста» время не только событийно, но и концептуально. Обращают на себя внимание концепты «работа» и «радость», использованные в разных контекстах. В разведке «радостно было снова пытаться судьбу между красных сосен и невысоких холмов» [2, с. 313]. Во время атаки «радостно было смотреть, как падали люди и лошади...» [2, с. 326]. «Время было нетрудное и весёлое. ...Отступавшие немцы не осмеливались тревожить нас по ночам» [2, с. 316]. «Кавалеристы — это веселая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу» [2, с. 287].

Художественное время в тексте выступает как диалектическое единство конечного и бесконечного. Финал произведения — сигнал того, что временной отрезок, представленный читателю, завершился, но время длится и за его пределами. Финал «Записок кавалериста» принадлежит плану вневременного, который обычно создаётся за счёт использования повторов, реминисценций, символов и иных тропов, сентенций и афоризмов. Слушая рассказ вернувшихся из плена улан, автор размышляет о том, что «есть люди, рождённые только для войны, и в России таких людей не меньше, чем где бы то ни было». И если им нечего делать «в гражданстве северной державы», то они незаменимы «в её воинственной судьбе», а поэт знал, что это — одно и то же [2, с. 349]. Сам же Гумилёв, по свидетельству современников, был «весь насквозь штатский, кабинетный, книжный». Трудно понять, «как он умудрился наперекор своей природе стать охотником и воином» [4, с. 60].

Закрытое биографическое время у писателя неразрывно с открытым историческим. Наиболее яркий пример мы нашли за рамками анализируемого произведения, не выходя, однако, за пределы темы. И. Одоевцева вспоминает: у Гумилёва случались «гениальные прорывы в вечность», как он без ложной скромности сам их определял. В 1920 году он предсказывал новую войну с Германией и точно определял, что она произойдёт через 20 лет. «Я, конечно, приму в ней участие, непременно пойду воевать. Сколько бы меня ни удерживали... Снова надену военную форму, крикну и сяду на коня, только меня и видели. И на этот раз мы побьём немцев! Побьём и раздавим!» [4, с. 116]. Гумилёв прожил только 35 лет, однако он постарчески любил «углубляться в своё прошлое», как сам насмешливо называл это. Он считал, что «жизнь поэта не менее важна, чем его творчество. Поэту необходима напряжённая, разнообразная жизнь, полная борьбы, радостей и огорчений, взлётов и падений. Ну и, безусловно, любви...» [4, с. 114].

Художнику, писал М. М. Бахтин, свойственно умение видеть время, читать время в пространственном целом мира и воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон, а как становящееся целое, как событие. Писатель отражает реальные пространственно-временные связи и параллельно выстраивает свой, перцептуальный, ряд, творит новое — концептуальное — пространство, которое становится формой репрезентации авторской позиции. «Наша пехота двигалась от халупы до халупы» [2, с. 311]; «Всегда приятно переезжать на новый фронт... Мечтаешь об особенных преимуществах новой местности... <...> Но возвращаться на старый фронт ещё приятнее. Потому что неверно представляют себе солдат бездомными, они привыкают и к сараю, где несколько раз переночевали, и к ласковой хозяйке, и к могиле товарища. Мы только что возвратились в насиженные места и упивались воспоминаниями» [2, с. 313].

Лирическая экспрессия, внимание к «мигу» неотделимы у Н. Гумилёва от типизации, социально-аналитического подхода к изображаемому. Некоторые особенности художественного моделирования времени и пространства позволяют оценить «Записки кавалериста» как интертекст. Пехотинцы, отбившиеся от своей части, «нашли чащу погуще... и стали жить Робинзонами, ожидая русского наступления» [2, с. 317]. «...Словно богословы из “Вия”, вступавшие в бой для решительного удара» [2, с. 316], заговорили артиллерийские батареи. В разведке четыре унтер-офицера «красились, как мальчишки, играющие в героев Майн Рида или Густава Эмара...» [2, с. 344]. Одно из наступлений пехоты вызывает у автора аллюзию на романы Уэллса — «возрождался величественный ужас космических переворотов и катастроф» [2, с. 310]. «Действительно, — пишет Гумилёв, — по слову поэта, нас призывали всеблагие, как собеседников на пир, и мы были зрителями их высоких зрелищ» [2, с. 310].

Заключение. Натуралистическое начало, органичное для произведений военной тематики, сочетается в «Записках кавалериста» с лирическим и импрессионистским, что, прежде всего, обусловлено характером обращённости к миру и «аутентичностью сердечных движений» автора. Произведение

по-своему ярко воплотило «биографическое сознание эпохи» [5, с. 386], или, точнее, её художественное самосознание, дав представление о том, какой жизненный путь писатель считает целесообразным, полноценным, как относится к традиционным ценностям и моделям жизни, выстраиванию собственной судьбы. В авторской концепции времени присутствует как весомое общечеловеческое достояние отчетливая патриотическая идея, которая свидетельствует, что великий писатель всегда разделяет судьбу своего народа независимо от характера собственной политической программы.

Список цитируемых источников

1. *Богомолов, Н. А.* Гумилёв Н. С. (краткая биография) / Н. А. Богомолов // Гумилёв Н. С. Стихи ; Письма о русской поэзии / вступ. ст. Вяч. Иванова ; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. — М. : Худож. лит., 1990. — С. 433.
2. *Гумилёв, Н.* Сочинения : в 3 т / Н. Гумилёв. — М. : Худож. лит, 1991. — Т. 2 : Драммы ; Рассказы / сост., подгот. текста, примеч. Р. Щербакова ; подгот. текста «Записок кавалериста» ; примеч. Е. Степанова. — С. 287—349.
3. *Бердяев, Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — М. : Книга, 1991. — 445 с.
4. *Одоевцева, И. В.* На берегах Невы: литературные мемуары / И. В. Одоевцева ; вступ. ст. К. Кедрова ; послесл. А. Сабова. — М. : Худож. лит., 1988. — 334 с.
5. *Кривцун, О. А.* Эстетика / О. А. Кривцун. — М. : Аспект Пресс, 2003. — 447 с.

Материал поступил в редакцию 01.03.2014 г.